

том, что «будучи враждебно настроен к соввласти и партии организовал группу из а/с настроенных лиц, с которыми проводил к/р работу, проводил пораженческую агитацию против мероприятий соввласти» [4, л. 57]. После слушания дела постановили: Оборина Ивана Васильевича расстрелять. Приговор был приведен в исполнение 2 сентября 1937 г. под Ишимом.

Так закончился жизненный путь священника И.В. Оборина, более тринадцати лет отдавшего служению в Новолоктинской церкви, построенной потомками белорусских переселенцев. На примере биографии священника мы можем проследить характер взаимоотношений между представителями РПЦ и органами власти. Стремление Оборина поддерживать морально письмами своих родственников и знакомых осужденных, помогать им материально, высылая деньги и вещи, было воспринято властью, как антисоветская деятельность. Общение с людьми разных взглядов было поставлено ему в вину. Обороин имел свое мнение о происходящем в стране и селе, не замалчивая информацию о поведении представителей власти. Потому был признан врагом государства и расстрелян. А память о нем живет, передается из поколения в поколение жителями села Новолокти. Потомки белорусских переселенцев чтят традиции предков, сохраняют память о достойных людях, таких как священник И.В. Обороин, внесших значимый вклад в историю села и региона.

Литература:

1. Биткин А. *Этапы большого пути // Люби и знай свой край (книга вторая). Сборник научно-исследовательских работ.* – Ишим, с. Новолокти, 2011. – С. 138-139.
2. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. Р-135. Оп. 2. Д. 3. Л. 61об.-62.
3. *Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный.* – Тобольск, 1900. № 10. С. 93; Там же. – Тобольск, 1904. № 17. С. 264; Там же. – Тобольск, 1906. № 23. С. 202; Там же. – Тобольск, 1914. №4. С.62, 65; Там же. – Тобольск, 1916. № 46. С.582; Там же. – Тобольск, 1918. № 11-12. С.168; Там же. – Тобольск, 1919. № 11. С.168.
4. *Управление НКВД СССР по Омской области. Казанское РОНКВД.* Д. 376.

ДЕМИДОВИЧ А. В.

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН БАРАНОВИЧСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ РЕФОРМАЦИОННЫХ И РЕНЕССАНСНЫХ ИДЕЙ В КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В российской историографии 50-х – начала 80-х годов XIX в. исследование реформационного движения в Беларуси благодаря представителям «западноруссизма», историков русской церкви, московской и петербургской государственных исторических школ перешло из сферы сугубо религиозной в область общественно-историческую. Актуальность религиозной проблематики обуславливалась социально-политическим контекстом эпохи, а результаты и выводы исследований российских учёных во многом определялись устремлённой концепцией «Западной Руси». Несмотря на диаметрально противоположные мнения российских историков о роли влияния протестантизма на русскую православную церковь, важным моментом в их исследовании явилось положение о позитивном значении Реформации в деле развития просвещения, литературы и образования. Российские исследователи пришли к выводу, что социально-политическая конфронтация в Беларуси, порождённая Реформацией, была непосредственно связана со шляхетским движением и привела к заключению Люблинской унии и обострению национально-конфессиональной борьбы в обществе. Это обуславливается тем обстоятельством, что российская историография по идеологической причине тенденциозно относилась к культурному западноевропейскому влиянию и воздвигала на духовную жизнь Беларуси Реформации рассматривала через призму национально-религиозного противостояния.

Новый этап в изучении реформационного движения в Беларуси связан с формированием позитивистского направления в российской историографии, выдвинувшего социально-экономический фактор главной причиной общественного развития. Приоритет в изменении традиционного взгляда на Реформацию в российской исторической науке принадлежит Н. Н. Любвичу, исследовавшему Реформацию в Беларуси в ракурсе общеевропейского движения. Историк акцентировал внимание на социально-экономическом характере религиозного движения и пришёл к следующим обобщающим заключениям: 1) основные причины, вызвавшие Реформацию и её же погубившие, носили, главным образом, социально-экономический характер [1, с. 24]; 2) реформационное движение в Беларуси являлось по своему характеру шляхетским и служило непосредственным продолжением борьбы шляхты с духовенством, начавшейся в конце XIV века [1, с. 42]; 3) причины быстрого упадка Реформации коренятся в ней самой: протестантская церковь не имеет прочной организации, присутствует антагонизм между светскими патронами и духовенством, в области просвещения и образования усилия протестантов недостаточны, и, сверх того, в этой церкви появляется раскол на непримиримые секты [2, с. 1–26]; 4) истинные причины поражения Реформации коренились не в успешной деятельности иезуитов, а в успехах католического реакционного движения, вышедшего из недр самого общества [3, с. 10]; 5) антипротестантизм в Беларуси представлял собой аномальное явление, не находящее себе объяснения ни в общественном строе, ни в идеалах шляхты того времени, что и объясняет вражду к нему и столь резкое неприятие его в привилегированных слоях общества [3, с. 1–20]; 6) борьба с протестантами не была главной задачей иезуитов в Беларуси, их цель состояла в покорении православной церкви [3, с. 17].

Одним из первых в российской историографии Н. Н. Любвич коснулся проблемы взаимоотношения

Реформации и Возрождения в Беларуси. Историк отметил, что распространению реформационных идей в Беларуси способствовали состояние образования и просвещения в обществе, учёба молодёжи в западноевропейских университетах, идеи итальянских и немецких гуманистов, которые находили живое сочувствие в среде образованного населения. Однако исследователь обратил внимание на тот факт, что гуманистические и реформационные идеи в Польше и ВКЛ не были обращены в полной мере на религиозные цели, как в Германии. «Польша гораздо более симпатизировала гуманизму итальянского характера. Она интересуется произведениями классических авторов, приобретением умения писать латинским стилем, но нигде мы не встречаем, чтобы гуманистические занятия в Польше были обращены на религиозные цели, как в Германии» [1, с. 43]. Историк, не ставил так же в генетическую связь Реформацию и гуситское движение в Беларуси, обращая внимание на то обстоятельство, что характер Реформации содержал социально-экономические цели, а гуситское движение – политические [1, с. 44].

Таким образом, Н. Н. Любович, придерживаясь в основе своих исследований мысли, что «в истории реформационного движения религиозные мотивы играют далеко не первостепенную роль», склонился к односторонней идее, что «роль религиозного движения в истории заключается в выражении социально-экономических отношений в обществе» [1, с. 8].

Н. И. Кареев исследовал религиозное движение в Беларуси методом сравнительного анализа на фоне западноевропейской Реформации. Исследователь считал, что Реформация, прежде всего, была движением религиозным, однако признал вывод Н. Н. Любовича о преобладании социально-экономической направленности Реформации в Беларуси, имеющий под собой основание: «Реформация подготавливалась не столько на почве усиленной религиозности, сколько на подкладке известного вольномыслия, индифферентного к вопросам веры и ненависти шляхты к духовенству из-за чисто мирских побуждений» [4, с. 51].

Предметом критики Н. И. Кареева явилось недостаточное изучение вопросов взаимоотношения Реформации с гуситским движением и ренессансным гуманизмом [5, с. 36]. Историк отмечал, что ренессансный гуманизм создал благоприятную почву для распространения Реформации, так как «общество, захваченное культурным великим движением Возрождения, и, находясь под влиянием гуманистического образования и просвещения, было менее всего настроено в клерикальном духе» [4, с. 30]. Гуманизм, по мнению исследователя, также заключал в себе идеи, с помощью которых оппозиционно настроенное общество могло бы объединиться, сформулировать свои требования и секуляризировать социальную и культурную жизнь. Секуляризирующие гуманистические идеи, возникшие на основе античных философских идей и науки, литературы и римского права, в равной степени, по мнению учёного, подтачивали притязания католической церкви на господство в духовной и светской жизни. «В том же римском праве, – писал историк, – можно было найти аргументы в пользу подчинения церкви государству, а это подчинение впоследствии действительно входило в расчёты шляхты» [4, с. 43].

Однако, по замечанию Н. И. Кареева, значение Реформации в Беларуси заключалось именно в том, что оппозиция католической системы, независимо от сословной принадлежности, во имя духовной свободы пошла под знамёна Реформации. «В разгар реформационного движения в польском «разноверстве» гораздо большую роль играло религиозное итальянское вольномыслие, чем тот подъём религиозного чувства, который выразился у немцев» [4, с. 45].

Н. И. Кареев, утверждал, что культура эпохи Возрождения своим появлением в «посполитом обществе» была обязана в определённой степени гуситскому движению [4, с. 47]. В отношении социализма в Беларуси к «ереси жидовствующих» историк отказывал, ввиду её прямой генетической связи с итальянским антиринитаризмом [4, с. 139]. В социализме, по мнению исследователя, прослеживается связь с итальянской культурой. «Поляки издавна были предрасположены к принятию итальянских идей, в которых скептическая и рациональная мысль имели широкое применение. Немецкая Реформация со своим сектантством имела совсем иной психологический источник, чем польский социализм» [4, с. 149].

Главная заслуга Н. И. Кареева заключается в том, что исследователь перевёл взгляд российской историографии на Реформацию в ракурс историко-культурологического направления и отчётливо определил в культуре Беларуси взаимосвязь реформационных и гуманистических идей.

Социально-экономический фактор в реформационном движении выдвигал на первый план В. О. Ключевский. Историк в распространении Реформации видел желание шляхты секуляризировать церковное имущество. По убеждению учёного, «Реформация резко изменила политическую обстановку в Литве, нивелировав традиционное противостояние католиков и православных, и внесла новые коррективы в международные отношения между Польшей и Литвой» [6, с. 94–95].

М. В. Довнар-Запольский исследовал деятельность В. Тяпинского и характеризует его как передового мыслителя своего времени, патриота и мецената, своего рода «Прометей», готового не щадить своих собственных сил и средств в деле просвещения своего народа. «Тяпинский указывает тут же и на средства для заведения школ: школы должны устраивать на средства местностей и имений, которые предки панов отдали духовенству, не «на марнотрацтво, не на строй и не на што, а для наук». Эти места чрез-вычайно важны для характеристики мировоззрения В. Тяпинского. Он и призывает и желает прийти на помощь своей родине, посадить в ней науки, сделать её достойной своих предков, в его словах звучит страстный призыв к научной и образованнейшей части тогдашнего общества и высшее духовенство должно изменить свой образ жизни. Сам он отдаёт свои силы на благо отчизны и готов погибнуть вместе с ней, если это и ей суждено – если общество не придёт ей на помощь» [7, с. 9]. Любовь к своей родине, отмечает историк, В. Тяпинский ставит выше религиозных несогласий, и свой перевод делает из любви к отчизне без различия религиозных убеждений своих соотечественников [7, с. 13].

Следовательно, для М. В. Довнар-Запольского В. Тяпинский является не только деятелем Реформации, но продолжателем просветительского дела Ф. Скорины, одной из светлых личностей эпохи Возрождения.

Историк в мировоззрении В. Тяпинского выделил главную черту – глубокий патриотизм, и отметил, что в культурно-просветительской деятельности, имеющей национально-культурную направленность, «Тяпинский стоит шире своих современников – он имеет в виду не только цели религии, но и поднятие, путём образования, национального самосознания. Он пишет в то время, когда полонизация края делает первые шаги, первым начинает борьбу с ней и что весьма замечательно – не на почве религиозной, как это было впоследствии, а на национально-культурной» [7, с. 18].

Таким образом, в либеральной позитивистской российской историографии в период 80-х годов XIX века по 1917 год реформационное движение в Беларуси изучалось в контексте с гуманистическим движением эпохи Возрождения. Важным моментом в российской позитивистской исторической науке являлось рассмотрение реформационного движения в Беларуси через призму социально-экономической и культурной жизни общества. Историки-позитивисты выдвинули социально-экономический фактор одной из основных причин распространения Реформации в Беларуси. Главной заслугой российской позитивистской историографии в исследовании реформационного движения в Беларуси является отрицание концепции о приоритетной роли польского влияния и выдвигание на первый план в этих вопросах социально-экономического фактора.

Литература:

1. Любавич, Н. Н. *История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии* / Н. Н. Любавич. – Варшава: Тип. Земкевича, 1883. – 348 с.
2. Любавич, Н. Н. *Начало католической реакции и упадок реформации в Польше* / Н. Н. Любавич. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1890. – 400 с.
3. Любавич, Н. Н. *К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI в.* / Н. Н. Любавич. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1888. – 28 с.
4. Кареев, Н. И. *Очерки истории реформационного движения и католическая реакция в Польше* / Н. И. Кареев. – М.: Тип. А. Н. Мамонтова, 1886. – 191 с.
5. Кареев, Н. И. *Вопрос о религиозной реформации XVI века в Речи Посполитой в польской историографии* / Н. И. Кареев. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885. – 53 с.
6. Ключевский, В. О. *Сочинения: в 9 т.* / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2: *Курс русской истории.* – 414 с.
7. Довнар-Запольский, М. В. В. Н. *Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие* / М. В. Довнар-Запольский. – СПб., 1899. – 34 с.

ВЕРЕМЕЕВ С. Ф.

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
ГОМЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф. СКОРИНЫ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х – 60-Е ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ ДЕМЕХОВСКОГО ПРИХОДА ГОМЕЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ)

В настоящее время в историографии существует большое количество исследований, посвящённых истории Православной церкви на белорусских землях в XX в. Но несмотря на имеющиеся научные достижения, некоторые аспекты церковного прошлого всё ещё остаются без должного внимания со стороны исследователей. В частности, это относится к истории отдельных православных приходов и церквей на территории Гомельщины в XX в. Между тем, изучение архивных документов, находящихся на хранении в Государственном архиве Гомельской области, позволяет в определённой мере приоткрыть покров неизвестности над этой страницей церковной истории. На примере отдельного прихода можно проследить особенности реализации конфессиональной политики во второй половине 40-х – 60-е гг. XX в. и её результаты, положение духовенства и верующих в тот период.

Первые сведения о существовании православной церкви в селе Демехи (ныне деревня Демехи Речицкого района Гомельской области) относятся к XVIII в. В 1781 г. землевладельцем Викентием Солтаном там была построена деревянная Свято-Троицкая церковь [2, с. 297-298]. Вероятно, церковь была в Демехах и ранее, так как в построенной В. Солтаном церкви хранились метрические книги, начиная с 1761 г. [1, с. 332]. В середине XIX в. Демеховской церкви принадлежало около 80 десятин усадебной, пахотной, сенокосной земли и земли, занятой лесом. Прихожан мужского пола насчитывалось 1330 душ, женского пола – 3000 душ. Во второй половине XIX в. в Демехах действовала церковно-приходская школа [2]. Первые упоминания о церкви в окрестностях деревни Козье датируются 1879 г. [4].

В период 20-30-х гг. XX в. церкви в деревнях Демехи и Козье, равно как и другие церкви на территории БССР были закрыты советскими властями. К сожалению, какими-либо конкретными данными о времени и обстоятельствах закрытия этих церквей мы пока что не располагаем.

Согласно сохранившимся архивным документам, молитвенный дом в деревне Козье вновь был открыт в период немецкой оккупации (в документах указываются различные даты его открытия: 1942, 1943 и 1944 гг.). В 1945 г. власти официально зарегистрировали Демеховское религиозное общество, к которому относился молитвенный дом в деревне Козье. Архивные материалы не позволяют однозначно ответить на вопрос, действовала ли во время оккупации и в послевоенное время церковь (молитвенный дом) в самих Демехах (в документах упоминаются две церкви: Святой Троицы и Рождества Богородицы). На существование в 40-е гг. XX в. церкви в деревне Демехи может косвенно указывать и само название православного религиозного общества, зарегистрированное властями как «Демеховское». Однако, если церковь в Демехах действительно существовала в те годы, непонятно тогда, когда же и при каких обстоятельствах она была закрыта. В известных нам архивных документах об этом нет никаких сведений. Несомненно одно: во второй половине 40-х – 60-е